

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ФИРСТОВ против РОССИИ»

(жалоба № 67312/12)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

2 июня 2020 года

*Настоящее постановление вступило в законную силу. Может быть подвергнуто
редакционной правке.*

По делу «Фирстов против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Комитетом, в состав которого вошли:

Георгиос А. Сергидес, *председатель,*

Эрик Веннерстрём,

Лоррейн Шембри Орланд, *судьи,*

и Ольга Чернышова, *заместитель секретаря секции,*

проведя заседание за закрытыми дверями 21 апреля 2020 года, вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано по жалобе (№ 67312/12) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее по тексту — «Конвенция») гражданином Российской Федерации Фирстовым Сергеем Ивановичем (далее по тексту — «заявитель») 4 сентября 2012 года.

2. Интересы заявителя представляла А.Е. Ставицкая, адвокат, практикующая в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее по тексту — «Власти») представлял М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. 27 июня 2017 года Властям были коммуницированы жалобы на нарушение права заявителя быть судимым беспристрастным судом, а также права на помощь от адвоката по своему выбору и уважение презумпции невиновности, поскольку заявителя помещали в металлическую клетку во время слушаний по уголовному делу в отношении него; остальные требования были объявлены неприемлемыми в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

4. Власти не возражали против рассмотрения жалобы Комитетом.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1976 году. Он содержится под стражей в г. Саранске.

6. 3 мая 2008 года заявитель, подозреваемый в совершении ряда преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 163 (вымогательство) и частью 2 статьи 210 (участие в преступной организации) Уголовного кодекса (далее по тексту — УК РФ), был задержан и помещен под стражу.

7. 22 апреля 2010 года мера пресечения в виде заключения под стражу, примененная после предъявления заявителю обвинения в совершении вышеупомянутых преступлений, была заменена мерой пресечения в виде освобождения под залог. Однако заявитель не был освобожден, поскольку было вынесено определение о его заключении под стражу в рамках иного уголовного производства, в котором он подозревался в незаконном хранении огнестрельного оружия.

8. 30 июня 2010 года, уголовное дело в отношении четырнадцати человек, в том числе заявителя, касающееся, в частности, обвинений в создании преступной организации, было направлено для вынесения решения в Верховный Суд Республики Мордовия.

9. 12 августа 2010 года Верховный Суд Республики Мордовия, заседа с участием присяжных заседателей, начал рассмотрение дела по существу. Судебный процесс проходил под председательством судьи С. В ходе судебного процесса девять обвиняемых, в отношении которых была принята мера пресечения в виде заключения под стражу, в том числе заявитель, были помещены в металлическую клетку, установленную в зале суда. Пять обвиняемых, освобожденных под залог во время уголовного процесса, находились в зале судебных заседаний вне клеток.

10. Приговором от 15 июля 2011 года Верховный Суд Республики Мордовия, основываясь на обвинительном заключении, вынесенном присяжными заседателями, назначил заявителю наказание в виде пятнадцати лет лишения свободы и штрафа.

11. Заявитель обжаловал приговор от 15 июля 2011 года в апелляционном порядке. Ссылаясь на пункты 1, 2 и подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, он, в частности, утверждал, что его помещение в металлическую клетку во время уголовного процесса нарушило его право на уважение презумпции невиновности, а также право пользоваться помощью адвоката. Он указал, что не мог конфиденциально общаться со своим адвокатом из-за присутствия конвоиров тюремной администрации, которые находились рядом с клеткой. Утверждал, что его нахождение в клетке, должно быть, создало у присяжных впечатление, что он особенно опасен, и, следовательно, заставило их считать его виновным.

12. Кассационным определением от 12 апреля 2012 года Верховный Суд Российской Федерации изменил приговор от 15 июля 2011 года, при этом оставив его без изменения в части, относящейся к приговору заявителю. Он не вынес решение по жалобам заявителя на его помещение в металлическую клетку в суде первой инстанции.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

13. Применимое национальное законодательство и судебная практика, а также применимые положения международного права и практики, касающиеся использования металлических клеток в зале судебных заседаний, кратко изложены в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против России» (*Svinarenko et Slyadnev c. Russie*), (жалобы № 32541/08 и 43441/08, пункты 53-66 и 70-76, CEDH 2014 (выдержки)).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

14. Заявитель утверждает, что его помещение в металлическую клетку во время слушаний в Верховном суде Республики Мордовия препятствовало его общению с адвокатом и что конфиденциальность разговоров с адвокатом была нарушена присутствием конвоиров тюремной администрации, которые находились возле клетки. Кроме того, он утверждает, что его помещение в указанную клетку во время уголовного процесса нарушало принцип презумпции невиновности в отношении него. Заявитель также жалуется на отсутствие беспристрастности судьи С. Он ссылается на пункты 1, 2 и подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, которые в части, применимой к настоящему делу, гласят следующее:

«1. Каждый имеет право на (...) разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, который вынесет решение (...) об обоснованности любого предъявленного ему уголовного обвинения (...).

2. «Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком (...).

3. Каждый обвиняемый имеет, в частности, следующие права: (...)

с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника (...)

A. Доводы сторон

1. *Власти*

15. Власти указывают, что уголовное дело, возбужденное против заявителя и его соучастников, рассмотрено в период с 15 июля 2010 года по 15 июля 2011 года. Поясняют, что судебной инстанцией было проведено 102 слушания в двух помещениях в здании Верховного суда Республики Мордовия. Согласно утверждению Властей, в каждом из этих помещений находилась металлическая клетка с двумя скамьями для обвиняемых, адвокаты сидели на скамьях, расположенных непосредственно перед клеткой, и расстояние между обвиняемыми и их адвокатами было около 50 см. Власти представили фотографии этих помещений для ознакомления с расположением рассматриваемых клеток и скамей.

16. Власти утверждают, что заявитель находился возле своего адвоката и поэтому они имел возможность общаться с ним в любое время. На основании выписок из протоколов слушаний Власти указывают, что заявитель сделал двенадцать запросов о дополнительных консультациях со своим адвокатом и что судья удовлетворил все эти запросы. Добавляют, что адвокат заявителя прямо подсказывал последнему ответы и аргументы в нарушение порядка проведения слушаний, в частности в ходе слушания от 10 марта 2011 года. Власти утверждают, что ни разу во время судебного процесса заявитель не жаловался на то, что не мог делать заметки внутри клетки или эффективно участвовать в слушании по любой другой причине.

17. Власти настаивают, что источником «чувства унижения, неполноценности, стыда и неуверенности», которые, по словам заявителя, он испытывал во время судебного процесса, было не помещение в клетку, а опасение относительно возможного осуждения за преступления, в которых он обвинялся. Согласно Властям, ничто не доказывает, что участники процесса или любое другое лицо проявили предвзятость по отношению к заявителю из-за его помещения в клетку в зале суда. Власти указывают, что уголовное дело против заявителя не привлекло особого внимания средств массовой информации и что заявитель нигде не утверждал, что общественность присутствовала на судебных слушаниях против него.

2. Заявитель

18. Заявитель настаивает на своей жалобе. Говорит, что в начале судебного процесса просил судью поместить его вне клетки, как и его соучастников, которые не были помещены в предварительное заключение, и указывает, что его ходатайство было отклонено на основании того, что он заключен под стражу по другому уголовному делу. Заявитель утверждает, что факт его нахождения в зале суда в клетке (в отличие от некоторых соучастников преступления) должен был заставить присяжных поверить, что он особенно опасен и, следовательно, виновен в преступлениях, за которые был привлечен к ответственности.

В. Мнение Европейского Суда

1. *О соблюдении пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции в отношении предполагаемой невозможности заявителя конфиденциально общаться со своим адвокатом*

а) **О приемлемости жалобы**

19. Сделав вывод о том, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по иным основаниям, Суд признает данную жалобу приемлемой.

б) **О существе жалобы**

20. Прежде всего, Суд отмечает, что сторонами не оспаривается, что в течение всего срока уголовного процесса, а именно с 15 июля 2010 года по 15 июля 2011 года, заявитель помещался в металлическую клетку, расположенную в залах судебных заседаний Верховного Суда Республики Мордовия (см. пункт 15 выше). Согласно Властям, заявитель мог в любое время общаться со своим адвокатом в ходе судебного процесса после получения разрешения судьи, а иногда даже без этого разрешения (см. пункт 16 выше). Тем не менее, Суд отмечает, что Власти не оспарили утверждение заявителя о том, что рядом с клеткой всегда находились конвоиры тюремной администрации и он мог общаться со своими адвокатами только в их непосредственном присутствии (см. пункт 14 выше).

21. Суд напоминает, что в своем постановлении от 25 июля 2013 года по делу «Ходорковский и Лебедев против России» (*Khodorkovskiy et Lebedev c. Russie*) (жалобы № 11082/06 и 13772/05, пункты 642-647), он пришел к заключению, что

имело место нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции из-за отсутствия конфиденциальности устного общения между заявителями и их адвокатами, учитывая, в частности, расположение конвоиров тюремной администрации в непосредственной близости с металлической клеткой, в которую были помещены заявители. Суд подтвердил это заключение в своем постановлении от 14 июня 2016 года по делу «Уразов против России» (*Urazov c. Russie*) (жалоба № 42147/05, пункты 85-89) и в постановлении от 11 декабря 2018 года по делу «Родионов против России» (*Rodionov c. Russie*) (жалоба № 9106/09, пункты 171-174), а также, в контексте использования стеклянных кабин, в постановлении от 4 октября 2016 года по делу «Ярослав Белоусов против России» (*Yaroslav Belousov c. Russie*) (жалобы № 2653/13 и 60980/14, пункты 145-154) и в постановлении от 17 июля 2018 года по делу «Мария Алехина и другие против России» (*Mariya Alekhina et autres c. Russie*) (жалоба № 38004/12, пункты 166-172).

22. Принимая во внимание доводы сторон и собственную прецедентную практику по данному вопросу, Суд считает, что Власти не представили никаких фактических или правовых материалов, которые могли бы убедить его сделать иное заключение по настоящему делу. Действительно, даже если бы заявитель мог разговаривать со своим адвокатом через решетку клетки, в том числе во время перерывов, предоставленных для этой цели судьей по просьбе заявителя, ничто не показывает, что это общение было конфиденциальным, учитывая присутствие конвоиров в пределах слышимости (см., также, упоминавшееся выше постановление по делу «Ходорковский и Лебедев против России», пункт 647).

23. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции из-за отсутствия конфиденциальности при обмене информацией между заявителем и его адвокатом.

2. Другие нарушения статьи 6 Конвенции

24. Принимая во внимание нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, установленное выше в пункте 23, Суд считает, что нет необходимости рассматривать по отдельности приемлемость и существо жалоб заявителя на нарушение статьи 6 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

25. Статья 41 Конвенции гласит следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

A. Ущерб

26. Заявитель ходатайствует о выплате 50 000 евро в качестве возмещения морального вреда, который, по его мнению, был ему причинен.

27. Власти считают, что если Суд придет к установлению нарушения

Конвенции в настоящем деле, сумма справедливой компенсации должна быть установлена в соответствии с его прецедентной практикой.

28. Говоря о моральном вреде, Суд обращает внимание, что целью денежных сумм, присуждаемых в качестве справедливой компенсации на основании статьи 41 Конвенции, является исключительно возмещение вреда, причиненного заявителям, в той мере, в какой он является последствием нарушения, которое, в любом случае, не может быть устранено (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоццари Джунта против Италии» (*Scozzari et Giunta c. Italy*), жалобы № 39221/98 и 41963/98, пункт 250, ECHR 2000-VIII). Ранее по российским делам Суд пришел к заключению, что повторное разбирательство является наиболее подходящим средством правовой защиты для установленного нарушения прав заявителя в деле, учитывая наличие прямых законодательных положений на этот счет и при условии, что такое повторное разбирательство может обеспечить *restitutio in integrum*, требуемое статьей 41 (см. постановление Европейского Суда от 12 декабря 2017 года по делу «Задумов против России» (*Zadumov c. Russie*), жалоба № 2257/12, пункты 80-81). Следовательно, установление факта нарушения в настоящем деле представляет собой достаточную справедливую компенсацию.

В. Судебные издержки и расходы

29. Заявитель также ходатайствует о выплате 430 000 российских рублей (руб.) и 1 500 евро в качестве компенсации судебных издержек и расходов, понесенных им в ходе разбирательства в Суде. В подтверждение своего ходатайства он предьявляет два договора об оказании юридических услуг от 2 и 16 марта 2012 года, заключенных его отцом с А.Е. Ставицкой, для представления интересов заявителя в Суде, а также две соответствующие квитанции об оплате на общую сумму 450 000 руб. Заявитель указывает, что после того, как его жалоба была коммуницирована Властям, адвокату понадобилось пятнадцать часов работы (из расчета 100 евро за рабочий час) для составления ответного письменного обращения. Он уточняет, что не смог выплатить сумму в 1 500 евро своему адвокату из-за нехватки ресурсов.

30. Власти не представили возражений по данному пункту.

31. Согласно прецедентной практике Суда заявитель имеет право на возмещение судебных издержек и расходов только в той мере, в которой был установлен их реальный объем, необходимость и обоснованность. В настоящем деле Суд отмечает, что договоры оказания юридических услуг, заключенные отцом заявителя с адвокатом А.Е. Ставицкой, юридически не связывали заявителя в части оплаты расходов на юридическое представительство. В вышеупомянутых договорах доверителем выступает отец заявителя, который и оплатил счета адвоката. Ничто не говорит о том, что заявитель обязан возместить расходы своему отцу, выступающему в качестве третьей стороны, которая понесла расходы, связанные с представительством (заявителя) в Суде (см., *a contrario*, постановление Европейского Суда от 21 апреля 2016 года по делу «Иванова и Черкезов против Болгарии» (*Ivanova et Cherkezov c. Bulgarie*), жалоба № 46577/15, пункт 89) или что заявитель и его отец совместно проживают и поэтому расходы, понесенные одним из них, могут считаться общими (см., *a contrario*, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илашку

и другие против Молдовы и России» (*Ilaşcu et autres c. Moldova et Russie*), жалоба № 48787/99, пункт 491, CEDH 2004-VII). Суд считает, таким образом, что заявитель на самом деле не понес бремя расходов, являющихся предметом договоров об оказании юридических услуг от 2 и 16 марта 2012 года (см. постановление Европейского Суда от 22 ноября 2007 года по делу «Воскейл против Нидерландов» (*Voskuil c. Pays-Bas*), жалоба № 64752/01, пункт 92, и постановление Европейского Суда от 24 февраля 1983 года по делу «Даджен против Соединенного Королевства» (*Dudgeon c. Royaume-Uni*) (статья 50), пункт 22 *in fine*, серия А № 59). Что касается ходатайства заявителя о возмещении расходов, связанных с работой, выполненной адвокатом после коммуницирования жалобы Властям, Суд отмечает, что в договорах, заключенных с А.Е. Ставицкой с целью представительства интересов заявителя в Суде, нет упоминания о том, что составление ответного письменного обращения должно оплачиваться отдельно. Кроме того, заявитель не обращался с ходатайством выплатить указанную сумму непосредственно адвокату (см., *a contrario*, постановление Европейского Суда от 30 апреля 2019 года по делу «Эльвира Дмитриева против России» (*Elvira Dmitriyeva c. Russie*), жалобы № 60921/17 и 7202/18, пункт 111). Следовательно, Суд отклоняет ходатайство заявителя о возмещении судебных издержек и расходов.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *объявил* жалобу приемлемой на основании нарушения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции относительно конфиденциальности общения заявителя с его адвокатом из-за помещения заявителя в металлическую клетку во время слушаний по уголовному делу в отношении него;
2. *постановил*, что имело место нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции;
3. *постановил*, что нет необходимости рассматривать по отдельности приемлемость и существо жалоб на нарушение статьи 6 Конвенции;
4. *постановил*, что само по себе признание нарушения представляет собой справедливую компенсацию морального вреда, понесенного заявителем;
5. *отклонил* требование о справедливой компенсации.

Составлено на французском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 2 июня 2020 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Ольга Чернышова
Заместитель секретаря

Георгиос А. Сергидес
Председатель